

„РОДНАЯ РЪЧЬ“

№ 36.

А. А. Кизеветтеръ.

Протопопъ Аввакумъ.

WAR PRISONERS AID.
WORLD'S COMMITTEE

FUW0558334

Д-196/94

8

Автор

А. А. Кизеветтеръ.

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ.

Нерѣдко приходится слышать, что русская и особенно древне-русская исторія скучна и однообразна, что въ ней нельзя найти ничего, чѣмъ осмысливается и красится жизнь: ни сильныхъ и энергичныхъ людей, ни широкихъ общественныхъ движеній, ни яркой драматической борьбы партій за свои интересы и идеалы. Какъ будто древне-русскіе люди и не жили настоящею жизнью, а полусонно тянули какую-то никому ненужную канитель. Возьмемъ, напримѣръ, старую Москву. Что прежде всего приходитъ намъ на мысль при этихъ словахъ: „старая Москва?“ Въ обычномъ представленіи это — бояре въ громадныхъ шапкахъ и длинныхъ каф-тапахъ съ безбрежными рукавами, безконечные поклоны почти передъ каждымъ словомъ, обѣды съ десятками кушаній и однообразно утомительныя церемоніи по различнымъ внѣшнимъ поводамъ. И не кажется ли намъ нерѣдко, что такими поклонами, обѣдами, церемоніями и исчерпывалась вся жизнь нашихъ медлительныхъ предковъ въ высокихъ шапкахъ и длинныхъ кафтанахъ? что за безконечной обрядностью, наполнявшей ихъ обычный день, не оставалось уже никакого мѣста для истинно-человѣческой жизни умомъ и сердцемъ, для тревожныхъ думъ надъ мучительными загадками жизни, для тѣхъ идейныхъ порывовъ и волненій, которые бы дѣлали изъ этихъ размѣренно двигающихся и разряженныхъ куколъ — подлинныхъ людей?

Мнѣ кажется, что такое мнѣніе о древне-русскомъ обществѣ, какъ о собраніи какихъ то полу-автоматовъ, превратившихъ все свое существованіе въ сплошную, однажды навсегда заученный обрядъ и неспособныхъ ни безпокойно мыслить, ни страстно чувствовать, — мнѣ кажется, что такое мнѣніе пользуется значительнымъ распространеніемъ. А между тѣмъ это распространенное мнѣніе совершенно ложно. Стоитъ прислушаться повнимательнѣе къ тому, что говорятъ намъ старинные литературные памятники, эти уцѣлѣвшіе свидѣтели давно угасшей жизни, — и до нашего слуха долетятъ любопытные отголоски стремленій, думъ, скорбей, которыми жила и болѣла душа древне-русскаго человѣка; тогда ближе, понятнѣе станетъ для насъ эта старина, на первый взглядъ столь скудная внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ.

Мы увидимъ, что и эти странные люди въ неудобныхъ и неуклюжихъ костюмахъ имѣли свои отвлеченные интересы и умѣли пламенно волноваться, бороться и даже погибать ради служенія своимъ идеаламъ. Пусть сами эти идеалы для насъ уже совершенно чужды, пусть то, что нѣкогда казалось истиною и зажигало сердца, представится намъ теперь или грубымъ заблужденіемъ или пустымъ призракомъ воображенія. Это понятно и естественно: у каждой эпохи свой умственный кругозоръ, свой уровень понятій. Было бы на лицо безкорыстное стремленіе къ истинѣ, способность отстаивать свои убѣжденія, и если человѣкъ проявилъ эти свойства, мы признаемъ въ немъ брата, какъ бы ни были далеки его мысли и стремленія отъ нашихъ собственныхъ понятій.

Чтобы доказать справедливость этихъ замѣчаній, я попрошу читателя мысленно перенестись вслѣдъ за мною лѣтъ за 200 съ небольшимъ назадъ, въ старую Москву временъ царя Алексѣя Михайловича. Мы встрѣтимъ тамъ людей во многомъ намъ чуждыхъ. Страненъ

ихъ языкъ. Далеки отъ насъ ихъ интересы. Но это не манекены, а живые люди, притомъ живущіе весьма повышенной духовною жизнью, глубоко взволнованные идейной борьбой, въ развитіи которой, вопреки общераспространенному взгляду, не было недостатка ни въ ярко-драматическихъ эпизодахъ, ни въ сильныхъ духомъ герояхъ.

Мы очень бы ошиблись, если бы представили себѣ жизнь московскаго общества при царѣ Алексѣѣ замурованной въ неподатливыхъ рамкахъ стариннаго обычая. Какъ разъ наоборотъ. Во всѣхъ областяхъ жизни шло рѣзкое раздвоеніе. Обычай утрачивалъ свое обаяніе, общественное поведеніе было выбито изъ давнишней колеи. На каждомъ шагу попадались рѣзкія новшества. Москва кишѣла иноземцами. Тогда уже существовала Нѣмецкая слобода, въ которой позднѣе Петръ получалъ первыя впечатлѣнія отъ иноземнаго уклада жизни. Кромѣ нѣмцевъ Москва была переполнена поляками. Польское вліяніе рѣшительно господствовало, замѣтно отражаясь на общественныхъ нравахъ и умственныхъ интересахъ и самого русскаго населенія. Опытный глазъ при первомъ взглядѣ на уличную толпу могъ опредѣлить, какую силу успѣла забрать иноземная мода. Всюду пестрѣли костюмы, экипажи, вызывавшіе недоумѣніе у старозавѣтныхъ людей. Завѣтнѣйшей мечтой всякаго молодого франта было теперь — одѣться въ польскій кафтанъ и сбрить бороду. Напрасно думаютъ, что Петръ Великій первый святотатственно приложилъ бритву къ русской бородѣ. Еще патріархъ Іоакимъ въ 70-хъ годахъ XVII-го столѣтія находилъ нужнымъ издавать особые запретительные указы противъ распространенія брадобритія. Соблазнъ новой моды охватывалъ людей, высоко поставленныхъ въ обществѣ, близкихъ къ самому царю. Прежде бояре ѣздили по Москвѣ или верхомъ или въ тяжелыхъ колымагахъ. Теперь можно было встрѣтить на улицахъ Москвы боярина въ польской каретѣ съ лакеями въ иностранныхъ ливреяхъ на запяткахъ. Б...

бояринъ, популярный Никита Ивановичъ Романовъ выѣзжалъ на охоту не иначе, какъ въ польскомъ или нѣмецкомъ платьѣ, и всѣхъ своихъ слугъ въ домѣ одѣлъ въ польскія ливреи. Даже такой крутой и самовластный человекъ, какъ патріархъ Никонъ, не рѣшался открыто возстать на этотъ не нравившійся ему соблазнъ, и прибѣгнулъ къ наивной стратегической хитрости: выпросилъ у Романова эти ливреи, какъ будто на образецъ для экипировки и своихъ слугъ, да и изрѣзалъ ихъ все въ куски. Но ни запретительные указы, ни такія своеобразныя уловки, какъ продѣлка Никона, уже не могли остановить потока иноземныхъ повинокъ во всемъ общественномъ обиходѣ старой Москвы. Самъ царь шелъ вслѣдъ за этимъ движеніемъ. Преобразовалась внутренность самаго дворца. Кресла и стулья замѣнили собою старинныя русскія скамьи и лавки, кое-гдѣ на стѣнахъ заблестѣли зеркала на манеръ кіотовъ, даже тронъ царя въ 1659 году передѣланъ былъ на польскій образецъ и снабженъ польской надписью. Иноземное вліяніе не ограничивалось внѣшнимъ устройствомъ домашней обстановки столичнаго общества, оно властно проникало глубже, захватывая кругъ умственныхъ и эстетическихъ потребностей передовыхъ людей того времени.

Въ XVII ст. въ московской Руси появляется масса переводныхъ сочиненій, преимущественно съ польскаго языка, самаго разнообразнаго содержанія: по астрономіи, математикѣ, космографіи, исторіи, географіи, медицинѣ, и на ряду съ этимъ переводятся съ того же польскаго языка различныя повѣсти уже не для науки, а просто для занимательнаго чтенія въ родѣ, напр., „Утѣшной повѣсти о купцѣ“ или „Исторіи благопріятной о благородной и прекрасной Мелюзинѣ“. Весь этотъ новый книжный товаръ находилъ себѣ потребителя. Книжки покупаютъ и читаютъ. Кое-гдѣ въ боярскихъ домахъ появляются значительныя по объему библіотеки, уже

не изъ однихъ только божественныхъ и богослужебныхъ книгъ, а какъ разъ изъ тѣхъ завлекательныхъ новинокъ переводной литературы, которыя открывали передъ читателемъ новый міръ свѣтскаго знанія и заманчивыхъ эстетическихъ впечатлѣній.

Въ сферѣ искусства совершался такой же наплывъ новыхъ вѣяній, порожденныхъ иноземнымъ вліяніемъ. Во дворцѣ, въ боярскихъ домахъ стѣны увѣшивались картинами „перспективнаго письма“ на свѣтскіе сюжеты, историческаго и бытового содержанія и „парсунами съ живства“, т. е. портретами. Въ самой церковной живописи, въ иконописи художники смѣло начали примѣнять новую, болѣе жизненную манеру письма, не стѣняясь условностями старинныхъ, освященныхъ преданіями образцовъ, и стѣны храмовъ, съ которыхъ ранѣе на молящихся смотрѣли все темные, однообразные лики угодниковъ, вдругъ ожили и закрились полными правды и человекopodobія изображеніями: каждый святой выглядѣлъ теперь на этихъ новыхъ иконахъ со своей индивидуальной фizioноміей, со своими характерными чертами.

Такъ, во всѣхъ областяхъ жизни—и въ домашней обстановкѣ, и въ ученіи, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, — новости, внушенныя западнымъ вліяніемъ, воздѣйствовали все въ одномъ и томъ же направленіи: онѣ расширяли свободу и непринужденность дѣйствій человека, разнообразили его интересы, сбрасывали съ жизни цѣпи старинной рутины.

Но въ то время, какъ одна часть общества съ жадностью набрасывалась на эти новинки, въ другихъ общественныхъ слояхъ, гдѣ еще властно царило обаяніе старины, подымался злобный ропотъ противъ измѣны родному преданію.

Почитатели старины чувствовали, что кругомъ творится нѣчто небывалое, что надъ Русью повѣяло новымъ духомъ, который оскорблялъ ихъ привычныя понятія и чувства. И въ мысляхъ огорченныхъ стародумовъ

уже шевелился приговоръ надъ новымъ движеніемъ: это—зловредное повѣтріе, это—дьявольское навожденіе.

Представьте себѣ теперь, какая жизнь должна была начаться въ Москвѣ съ тѣхъ поръ, какъ московское общество раскололось на два враждебныхъ лагеря! Тутъ не до степенной скуки, не до соннаго спокойствія. На каждомъ шагу вспыхивали столкновенія, рѣзкіе, волнующіе споры. Все могло подать поводъ къ такимъ спорамъ. Новый костюмъ, новая книжка, новая икона тотчасъ подымали съ обѣихъ сторонъ цѣлую вереницу мятежныхъ вопросовъ: какъ жить, во что вѣрить, чего держаться?

И не только предположительно, а опираясь на точныя историческія свидѣтельства, мы можемъ сказать, что вторая половина XVII ст. была на Москвѣ временемъ усиленнаго развитія раздраженныхъ идейныхъ споровъ. Они подымались всюду: и въ домѣ боярина, и въ школьной аудиторіи, и въ мастерской живописца. Весь воздухъ Москвы былъ пропитанъ атмосферой идейной борьбы противоположныхъ міросозерцаній.

Такъ, любимымъ мѣстомъ общественныхъ собраній для обсужденія волнующихъ общество вопросовъ былъ гостепріимный домъ боярина Θεодора Михайловича Ртищева, человѣка просвѣщеннаго, затронутаго новыми вѣяніями, но терпимаго ко всякому чужому мнѣнію и потому объединявшаго въ своемъ домѣ представителей различныхъ направленій. У Ртищева происходили, какъ сказали бы мы теперь, оживленные журфиксы для московской интеллигенціи того времени, куда ходили вести и слушать ученые и богословскіе споры, или, какъ выражались въ то время, ходили „грызться“ о новыхъ обычаяхъ и церковныхъ исправленіяхъ. Здѣсь бояре, подбитые новой польской образованностью, встречались съ будущими вождями и мучениками раскола. Здѣсь, по словамъ современниковъ, бывалъ „многій шумъ“ о вѣрѣ и законѣ.

Если изъ боярскаго дома перейдемъ въ школьную комнату XVII ст., мы и тамъ найдемъ то же раздвоеніе,

тѣ же споры. Уже упомянутый Ртищевъ основалъ при Андреевскомъ монастырѣ училище, куда пригласилъ преподавателями малороссійскихъ монаховъ. Приѣзжие монахи преподавали „новыя“ науки: латинскій языкъ, риторику, философію. Самъ Ртищевъ страшно увлекся школой и, будучи занятъ весь день служебными обязанностями, проводилъ ночи, „презирая сладостный сонъ“, въ любезномъ собесѣдованіи съ учеными мужами. Но пока основатель школы беззавѣтно предавался учебнымъ подвигамъ, въ средѣ учениковъ шло глухое броженіе. Въ то время, какъ одни плѣнялись новой наукой и даже рѣшались на поѣздки въ Кіевъ для довершенія образованія, другіе втайнѣ отъ Ртищева шептали по угламъ: „Кто по-латыни учился, тотъ праваго пути совратился“. Такія колебанія въ средѣ учащагося поколѣнія были вполне естественны въ то время, когда въ самомъ обществѣ шла умственная смута: съ одной стороны *свѣтскія* науки, преподаваемые заѣзжими учителями, привлекали къ себѣ любознательные и пытливые умы, а съ другой стороны сердце русскаго человѣка все еще сжималось благоговѣйнымъ трепетомъ предъ старинными поученіями, въ которыхъ занятія свѣтской наукой приравнивались кошунству. „Богомерзостенъ предъ Богомъ всякъ, любяй геометрію“, „душевреденъ грѣхъ учиться астрономіи“, „проклиная мудрость тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный.“ Вотъ, что твердилось въ этихъ поученіяхъ. „Если тебя спросятъ, говорилось въ этихъ поученіяхъ, знаешь ли ты философію, рци смѣло: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ, учусь книгамъ благодатнаго закона, чтобы очистить душу отъ грѣхъ“. *Пытливость* ума считалась *гордыней* ума, дерзновеннымъ и потому грѣховнымъ стремленіемъ проникнуть въ божественныя тайны. Древнія поученія предписывали любить „паче мудрости — простыню“, т. е. простоту ума и сердца.

Если въ сферѣ науки шла борьба между свободой умственной дѣятельности и господствомъ авторитета старинныхъ поученій, то и мастерскія московскихъ художниковъ все чаще оглашались спорами о новыхъ направленіяхъ въ искусствѣ. Какъ писать изображенія святыхъ: рабски копировать такъ назыв. подлинникъ, т. е. еще въ XVI в. составленный сборникъ схематическихъ образцовъ для изображенія каждаго святого, или давать волю личному вдохновенію, писать „самышленно“, отступая отъ подлинника во имя требованій эстетическаго чувства и художественной правды?

Вотъ характерная сценка, показывающая, при какой обстановкѣ разыгрывались споры о подобныхъ вопросахъ. Сидѣлъ разъ въ мастерской царскаго живописца Симона Ушакова другой художникъ, Іосифъ Владиміровъ. Между художниками шла бесѣда о новыхъ теченіяхъ въ живописи, которымъ оба собесѣдника глубоко сочувствовали и сами слѣдовали. Вдругъ входитъ въ мастерскую сербскій архидіаконъ Плѣшковичъ. Вслушавшись въ бесѣду, онъ тотчасъ же началъ спорить и, увидавъ въ студіи прекрасное изображеніе Маріи Магдалины, плюнулъ и сказалъ:

— Такихъ *свѣтовидныхъ* образовъ мы не принимаемъ.

Іосифъ отвѣтилъ на эту выходку цѣлымъ трактатомъ о живописи, гдѣ, въ противовѣсъ рутинѣ, отстаивалъ права художественнаго реализма.

— Гдѣ указано, — спрашиваетъ онъ, — писать лики святыхъ не иначе, какъ смугло и темновидно? Развѣ всѣ люди созданы на одно обличье? Развѣ всѣ святые были тощи и смуглы? Когда великій во пророкахъ Моисей принесъ народу съ вершины Синая скрижаль, начертанную перстомъ Божиимъ, сыны Израиля не могли взирать на лице Моисеево отъ осіявшаго его свѣта. Такъ неужели и лицо Моисеево писать мрачно и смугло? И кто не посмѣется юродству, будто темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ?

Но почитатели старины не трогались мыслями, вложенными въ эти вопросы, и смотря на иконы новаго типа, на свѣтовидные лики, трепетавшіе жизнью, сердито протестовали:

— Пишутъ нынѣ Спасовъ образъ, лицо одутловато, уста червонныя, волосы кудрявыя, бедра толстыя, весь, яко нѣмчинъ, толстъ учиненъ, только что сабли при бедрѣхъ не написано. Умыслили по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому, будто *живыхъ* писать.

Мертвенный, темный ликъ старинной иконы больше говорилъ чувству стародума, чѣмъ художественное создание новой живописи.

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы показать, какъ широко захватывались всѣ стороны жизни этой идейной борьбой, занимавшей московское общество со второй половины XVII в. Я описалъ, въ какихъ формахъ проявлялись эти новыя вѣянія. Мы можемъ теперь опредѣлить, почему онѣ встрѣтили себѣ такой злобный приѣмъ у ревнителей старины. Эти новшества шли въ разрѣзъ съ цѣлымъ рядомъ старозавѣтныхъ идеаловъ русскаго общества: 1) новыя формы общественныхъ развлеченій и новыя черты житейскаго комфорта оскорбляли *аскетическій* идеалъ жизни, о которомъ твердили древнія поученія; 2) новая наука и переводная литература противорѣчили исключительно *церковному* характеру древнерусской образованности, основанному на боязни всякаго свѣтскаго знанія; наконецъ, 3) *иноземное* происхожденіе занесенныхъ на Русь новыхъ вѣяній претило *націоналистическимъ* идеаламъ того времени: Москва подобно древнему Риму — центръ вселенной, на Руси — истинная мудрость и истинная вѣра, и потому у иноземцевъ намъ ничему учиться не пригоже, — вотъ что впитывали въ свой умъ съ дѣтства люди, выросшіе на старозавѣтныхъ предавіяхъ.

Во имя этихъ-то началъ они негодовали на перемѣны, происходившія въ разныхъ областяхъ тогдашней

жизни. Но ихъ негодованіе превратилось въ ужасъ и ихъ недовольство перешло въ открытую борьбу, когда новыя вѣянія коснулись того, что представлялось самой незыблемой святыней, — порядковъ богослуженія и текста священныхъ книгъ, когда Никонъ при помощи кievскихъ монаховъ и на основаніи *греческихъ* образцовъ и рукописей началъ исправлять испорченные переписчиками богослужебныя книги и богослужебные обряды.

Правда, всѣ эти исправленія совершенно не касались религиозныхъ догматовъ; они только восстанавливали первоначальное начертаніе искаженныхъ переписчиками словъ, напр., вмѣсто „Исусъ“ восстанавливали правильную форму „Иисусъ“, или отмѣняли утвердившіеся въ русской церкви неправильные обряды въ родѣ употребленія при крестномъ знаменіи двоеперстія, а не троеперстія, или повторенія подъ рядъ дважды, а не трижды священнаго возгласа „аллилуія.“ Но въ глазахъ стародумовъ того времени буква Писанія и обрядъ церковный составляли самую сущность религіи, — именно буквѣ и обряду приписывалась таинственная божественная сила, управляющая судьбою человѣка. Обсуждая вопросъ, какъ слѣдуетъ говорить въ Символѣ вѣры „рожденна, не сотворенна“ или „рожденна, *а* не сотворенна“, съ частицей *а* или безъ нея, — ревнители благочестія говорили:

— Намъ всѣмъ подобаеъ умирати за единый *азъ*. Великая зѣло сила въ семь *азъ* сокровенна.

Отъ правильности буквы и обряда зависитъ спасеніе души человѣка, а *правильными* могутъ быть лишь тѣ обряды и книги, которые изстари употреблялись на Руси, ибо одной лишь русской землѣ дано отъ Бога хранить истину. Такъ разсуждали старозавѣтные люди, и церковная реформа Никона представилась имъ такимъ же діавольскимъ навожденіемъ, какъ новыя костюмы, новыя книжки и новыя иконы.

Тогда-то началась борьба за старую вѣру и за старые обычаи. Мы можемъ сожалѣть о тѣхъ заблужденіяхъ

о томъ умственномъ ослѣпленіи, которыми руководились эти борцы; но мы не можемъ не отдать имъ дани уваженія за проявленное ими нравственное мужество при отстаиваніи своихъ, хотя и неосновательныхъ убѣжденій. А борьба была дѣйствительно исполнена мужества. Для многихъ она окончилась огненною смертью.

Мы всего лучше войдемъ въ самый центръ этой борьбы, бросивъ взглядъ на судьбу ея главнаго вдохновителя. То былъ протопопъ Аввакумъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей на Руси того времени. Со страстнымъ темпераментомъ, съ огненнымъ словомъ, съ непреклонно-суровой, желѣзной волей—Аввакумъ былъ прирожденнымъ общественнымъ вождемъ. Судьбѣ было угодно поставить его въ ряды поборниковъ старины, и онъ повелъ дѣло этой партіи со всѣмъ пыломъ своей одаренной натуры.

Аввакумъ родился въ глуши Нижегородской области, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ его, сельскій священникъ, „прилежалъ питія хмельнаго“. Зато мать Аввакума была строгая молитвенница и постница. Даровитый мальчикъ рано обнаружилъ удивительную душевную чуткость, и страстную воспримчивость къ жизненнымъ впечатлѣніямъ. Какъ-то разъ ему пришлось видѣть, какъ околѣвала корова. Эта картина страшно поразила Аввакума. Призракъ смерти всталъ передъ мыслями отрока. Ночью онъ вскочилъ съ постели и сталъ горячо молиться о своей душѣ, поминая смерть. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно придерживался обычая ночной молитвы. Подрастая, Аввакумъ съ жаромъ набросился на чтеніе Св. Писанія, отцовъ церкви, различныхъ поучительныхъ сборниковъ. Впечатлѣнія, выносимыя изъ чтенія, западали въ его душу такъ же глубоко, какъ и тѣ, которыя онъ получалъ изъ окружающей дѣйствительности. Оба ряда впечатлѣній складывались въ его душѣ въ одномъ направленіи. Аввакумъ все болѣе утверждался во взглядѣ на жизнь, какъ на суровый религиозный

подвигъ. Борьба съ искушеніями плоти, съ царящимъ въ мірѣ грѣхомъ, съ нравственною распущенностью, — такимъ представлялось ему содержаніе этого подвига. 22-хъ лѣтъ онъ былъ посвященъ въ священники въ селѣ Лопатицы, незадолго передъ тѣмъ женившись на сиротѣ-односельчанкѣ, дѣвушкѣ набожной, самоотверженной и искренно полюбившей Аввакума. Мы еще увидимъ, какого вѣрнаго спутника въ своей нелегкой жизни нашель онъ въ этой дѣвушкѣ.

Незауряднаго пастыря получило село Лопатицы въ лицѣ Аввакума. Молодой священникъ высоко ставилъ задачу своего сана. Строгій къ себѣ, онъ былъ строгъ и къ своей пастеѣ. Онъ не взиралъ на чины и лица. Сильный сознаниемъ долга, онъ смѣло бросалъ вызовъ всѣмъ, кто не подходилъ подъ мѣрку его нравственнаго идеала. Началась борьба. Прихожане роптали, что священникъ строгъ, моритъ народъ долгой службой по уставу. Сильные, власть имущіе люди, не знавшіе въ то время никакой сдержки своему произволу, приходили въ ярость отъ смѣлыхъ обличеній Аввакума. Послѣ одного остраго столкновенія съ мѣстнымъ начальникомъ, Аввакуму пришлось съ женой, съ только что появившимся на свѣтъ ребенкомъ, безъ хлѣбнаго запаса отправиться въ Москву искать себѣ тамъ управы. Въ Москвѣ его пріютили царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и протопопъ Казанскаго собора Иванъ Нероновъ. Они выхлопотали для Аввакума царскую грамоту, утверждавшую его священникомъ въ Лопатицахъ. Снова появляется онъ въ родномъ селѣ, но не надолго. Онъ ни на юту не отступилъ отъ своей программы, и попрежнему раздалось грозное слово его обличеній. Пришли на село странствующие скomorохи съ масками, бубнами, ручными медвѣдями. Народъ высыпалъ на встрѣчу веселымъ странникамъ. Вдругъ среди толпы появился разгнѣванный Аввакумъ и началъ бличать бѣсовскія игрища. Властною рукою изломалъ

онъ бубны и маски, выпустилъ въ поле медвѣдей и самихъ скomorоховъ выгналъ изъ села. Послѣ этого народъ на селѣ пришелъ въ такое волненіе, что оставаться далѣе въ Лопатицахъ для Аввакума оказалось невозможнымъ, и снова побывавъ на Москвѣ, онъ получилъ переводъ въ городъ Юрьевецъ-Повольскій. Но и на новомъ мѣстѣ Аввакумъ въ короткое время поставилъ на ноги весь городъ своимъ безстрашнымъ паденіемъ на мірскія слабости общества. И вотъ однажды полуторатысячная толпа мужчинъ и женщинъ съ батогами и рычагами атаковала избу, гдѣ Аввакумъ занимался соборными дѣлами, Аввакумъ былъ вытащенъ на улицу и избитъ чуть не до смерти.

Еле-еле отбилъ его отъ разъяренной толпы отрядъ пушкарей, присланный воеводой. Двое сутокъ лежалъ Аввакумъ безъ движенія, охраняемый воеводской стражей, и все это время по городу ходили возбужденныя толпы съ крикомъ:

— Убить его да и тѣло собакамъ въ ровъ кинуть!...

Снова пришлось Аввакуму спасать жизнь ночнымъ бѣгствомъ. Оправившись отъ побоевъ, онъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ его ожидала болѣе широкая и громкая, но и еще болѣе тернистая дѣятельность.

Въ это время вокругъ московскихъ покровителей Аввакума, царскаго духовника Вонифатьева и протопопа Казанскаго собора Ивана Неронова, сгруппировался цѣлый кружокъ протопоповъ, собравшихся въ Москву все больше изъ разныхъ мѣстъ Нижегородской области. Этотъ кружокъ, объединенный общими стремленіями, началъ играть замѣтную роль въ общественной жизни Москвы. Онъ стремился къ воспитательному воздѣйствію на общество въ духѣ строгаго аскетизма и преданности національнымъ преданіямъ. Это было какъ разъ то самое направленіе, за которое ратовалъ и Аввакумъ въ героическихъ схваткахъ со своими прихожанами. И Аввакумъ вошелъ въ составъ этого кружка, внеся

въ его дѣятельность ту острую страстность, которая вытекала изъ его боевой натуры. Кружокъ воздѣйствовалъ на правительство посредствомъ личнаго вліянія на царя, а на общество — посредствомъ церковной проповѣди. Казанскій соборъ не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ туда проникнуть, когда тамъ говорилъ поучительное слово Иванъ Нероновъ. Вся церковь замирала во внимательномъ молчаніи, и у самого проповѣдника рѣчь не разъ прерывалась слезами.

Аввакумъ, устроившись на Москвѣ, сталъ помогать Неронову въ церковнослуженіи и проповѣдничествѣ въ соборѣ, и съ этихъ поръ съ соборной кафедры зазвучали новыя — суровыя и мужественныя ноты. Если Нероновъ умилялъ сердца слушателей трогательностью своей рѣчи, то Аввакумъ, истинный народный ораторъ, доводилъ ихъ до настоящаго экстаза напряженностью своего одушевленія. Онъ говорилъ простымъ, но въ высшей степени энергичнымъ и властнымъ языкомъ. Его слово было трубнымъ гласомъ, зовущимъ на борьбу, на духовный подвигъ во имя идеала.

— Ну-ка! Восприянь и исповѣдуй Христа Сына Божія громко предо всѣми. Полно таиться. Само царство небесное въ ротъ валится, а мы все ядемъ и время тянемъ.—Такимъ приблизительно языкомъ говорилъ Аввакумъ съ своей паствой. Появленіе Аввакума въ кружкѣ Неронова какъ разъ совпало съ такимъ моментомъ, когда кружку пришлось занять боевое положеніе.

Начались церковныя исправленія Никона, которыя въ глазахъ кружка были измѣной національной правдѣ, вторженіемъ антихристового духа въ церковную святыню, потому что дѣло этихъ исправленій было отдано въ руки иноземцевъ, пріѣзжихъ греческихъ монаховъ, въ правовѣрїи которыхъ такъ сильно сомнѣвались русскіе люди того времени.

Въ 1653 г. вышло распоряженіе Никона креститься въ церквахъ тремя, а не двумя перстами.

— И мы,—разсказываетъ Аввакумъ,—сошедшия между собою, увидѣли, что зима хочетъ быти. Сердце наше озябло и ноги задрожали.

Самъ Нероновъ былъ посѣщенъ видѣніемъ. Во время молитвы онъ слышалъ голосъ:

— Время приспѣ страданію, — подобаетъ вамъ неослабно страдати!

И страданія не заставили себя ждать. Въ отвѣтъ на рѣзкіе протесты кружка противъ распоряженій Никона Иванъ Нероновъ былъ отправленъ въ ссылку въ Вологду, въ Спасокаменный монастырь. Въ кружкѣ начались колебанія. Выдѣлилась умѣренная партія изъ священниковъ Казанскаго собора, которые не хотѣли открытаго разрыва съ духовными властями.

Тогда возсталъ на брань Аввакумъ. Собравъ вокругъ себя непримиримыхъ членовъ кружка, онъ порвалъ связь съ Казанскимъ соборомъ и, водворившись въ опустѣломъ домѣ Неронова, сталъ отправлять тамъ церковныя службы по старому чину. Патриархъ не могъ стерпѣть такого соблазна. И вотъ, въ субботу 13-го августа 1653 г., лишь только Аввакумъ собрался съ братією въ сушильнѣ Неронова дома на всенощное бдѣніе, явился патриаршій бояринъ со стрѣльцами, сковалъ Аввакума, надѣлъ ему на шею цѣпь и въ такомъ видѣ отвезъ его въ Андроніевъ монастырь, бросивъ его тамъ въ темный погребъ. Четыре недѣли провелъ Аввакумъ въ заточеніи, твердо выдерживая и угрозы отказаться отъ ереси и мучительныя истязанія, которыми хотѣли сломить его упрямство. Весь кружокъ Неронова былъ разгромленъ. Однихъ разослали по монастырскимъ тюрьмамъ, другіе не выдержали грозы, и отступили отъ своихъ убѣжденій. Наконецъ вышло отъ патриарха рѣшеніе и относительно Аввакума: лишить священства и отправить въ ссылку.

15-го сентября въ Успенскомъ соборѣ назначенъ былъ обрядъ разстриженія. Уже въ самой церкви

передъ рѣшительнымъ моментомъ царь Алексѣй Михайловичъ не вытерпѣлъ, вдругъ сошелъ съ своего мѣста и при всѣхъ началъ просить патріарха остановить разстриженіе. Мягкій царь любилъ въ душѣ учительное слово суроваго протопопа. Никонъ уважилъ просьбу царя, и Аввакумъ съ сохраненіемъ духовнаго сана былъ отправленъ въ далекій Тобольскъ.

Тяжело было это невольное путешествіе для Аввакума и еще тяжелѣе досталось оно его женѣ, неизмѣнной спутницѣ своего мужа. Въ дорогѣ родился у нихъ ребенокъ, и женѣ Аввакума приходилось большой ѣхать въ телѣгѣ въ безконечную даль Сибири. Черезъ 13 недѣль добрались таки до Тобольска.

Противники Аввакума напрасно думали чего-нибудь достигнуть его ссылкой. Онъ ѣхалъ въ Сибирь, весь пылая ревностью о „старой вѣрѣ“, громко обличая на всемъ пространствѣ своего пути дѣйствія Никона. Личныя страданія и лишенія не имѣли власти надъ его сильной волей, а проѣздъ по всей Россіи вплоть до Сибири только давалъ ему случай разнести сѣмена своей злобы на церковныя новшества по всему лицу русской земли. И толпы народа слушали его рѣзкое, возбужденное слово, видѣли въ немъ мученика, страдающаго за правую вѣру, и расходились по домамъ съ готовымъ рѣшеніемъ, что на Руси воцарился духъ антихристовъ, вселившійся и въ царя, и въ патріарха.

— По изволенію государеву, — говорилъ Аввакумъ, — осквернилось московское царство. Никоніане отлучаютъ все, Богомъ преданное... Какъ Никонъ царя причастилъ антидоромъ, такъ возьми да понеси, да ломай все старое, давай новую вѣру римскую и прочая ереси клади въ книги.

Обличая Никоновы новшества, Аввакумъ не забывалъ выставять передъ народомъ тотъ мученическій вѣнецъ, который уже покрывалъ головы многихъ противниковъ Никона и который долженъ былъ такъ

поднять ихъ въ глазахъ народа, какъ страдальцевъ за свои убѣжденія.

Аввакумъ ѣхалъ по Россіи, не какъ побѣжденный и сломленный боецъ, а какъ воинствующій пророкъ, собирающій народную рать подъ свое знамя. И несомнѣнно, ссылка Аввакума способствовала успѣшности распространенія раскольничьяго движенія въ широкихъ слояхъ населенія.

Въ Тобольскѣ положеніе Аввакума неожиданно оказалось весьма благопріятнымъ. Тобольскій архіепископъ самъ былъ въ душѣ противникомъ Никоновыхъ новшествъ. Онъ принялъ Аввакума съ полнымъ радушіемъ и далъ ему церковный приходъ. Но Тобольскъ оказался лишь кратковременною пристанью среди житейскихъ скитаній Аввакума. Аввакумъ не умѣлъ и не хотѣлъ ни отъ кого прятать своихъ убѣждений, наоборотъ, онъ властно и рѣзко требовалъ для нихъ общаго признанія. У такихъ людей никогда не бываетъ недостатка ни въ жаркихъ поклонникахъ, ни въ заклятыхъ врагахъ. Враговъ у Аввакума было не мало и они не дремали. Скоро пришелъ изъ Москвы указъ причислить Аввакума въ качествѣ священника къ военному отряду, отправляемому на далекій Амуръ для изысканія тамъ удобныхъ къ поселенію мѣстъ и для основанія на такихъ мѣстахъ русскихъ крѣпостей. И вотъ, началось для протопопа исполненное ужасныхъ лишеній плаваніе по рѣкамъ восточной Сибири. Ёхали на первобытныхъ дощаникахъ, плоскодонныхъ баркахъ, среди дикой природы. Рѣки были бурныя, то и дѣло встрѣчались пороги, на которыхъ путникамъ не разъ приходилось подвергать опасности самую жизнь. А вдоль рѣкъ стояли мрачныя скалы и изрѣдка показывались всегда готовые напасть на отрядъ туземцы. „О, горе стало, описывалъ позднѣе Аввакумъ это путешествіе: горы высокія, дебри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна стоитъ и поглядѣть — такъ заломя голову.“ Трудности пути

увеличивались еще тѣмъ, что отрядъ былъ недостаточно снабженъ провіантомъ. Бывали моменты, когда люди прямо мерли съ голоду или кое-какъ питались травами, сосновой корой и даже встрѣченной на дорогѣ падалью. Всѣ эти лишенія отряда приходилось дѣлить и Аввакуму съ семьей. „Что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ,—вспоминалъ онъ позднѣе,—и ст алгя волею-неволею причастенъ къ кобыльимъ и мертвечимъ звѣринымъ мясамъ.“

И вотъ, среди такой-то и безъ того тяжелой обстановки Аввакумъ вступилъ еще въ неравную борьбу съ начальникомъ отряда, воеводой Пашковымъ. Пашковъ оказался грубымъ и жестокимъ самодуромъ. Онъ былъ изъ тѣхъ воеводъ добраго стараго времени, которые, пользуясь отдаленностью управляемыхъ ими областей отъ столицы и помня пословицу „До Бога высоко, до царя далеко“, — не знали удержку властолюбивымъ замашкамъ и привыкли играть подвластными имъ людьми, какъ пѣшками. Запасшись лично для себя всемъ нужнымъ, Пашковъ не облегчалъ бѣдственнаго положенія руководимаго имъ отряда, а только старался разгонять усталость людей взысканіями и побоями.

„Рѣка мелкая,—писалъ Аввакумъ,—плоты тяжелые, люди голодные, а тутъ—пристава немилостивые, батоги суковатые, пытки жестокія. Иного стануть мучить — анъ и умереть.“

Аввакумъ не могъ остаться спокойнымъ свидѣтелемъ такого угнетенія и, хотя онъ вполне зависѣлъ самъ отъ Пашкова, какъ отъ начальника отряда, онъ не замедлилъ возвысить свой обличительный голосъ противъ дѣйствій воеводы. Когда самодурство Пашкова дошло до крайнихъ предѣловъ,—онъ хотѣлъ насильно отдать въ замужество двухъ 60-лѣтнихъ старицъ изъ встрѣтившагося съ отрядомъ каравана,—Аввакумъ написалъ ему рѣзкое, укорительное посланіе. Пашковъ всплпѣлъ гнѣвомъ. Произошла дикая сцена. Аввакума

избили, бросили связаннымъ въ воеводскій дощаникъ, при остановкѣ отряда на зимовку, не доѣзжая Байкала, засадили въ холодную тюрьму. Когда съ наступленіемъ весны экспедиція снова двинулась въ путь и, переплывъ, Байкаль, потянулась къ верховьямъ Амура, Пашковъ не далъ Аввакуму подводы, и, кое-какъ пристроивъ дѣтей на телѣги, протопопъ съ женою долженъ былъ брести за отрядомъ пѣшкомъ. Трогательно описываетъ Аввакумъ, какъ шли они рука объ руку съ женою, когда уже миновало лѣто и опять въ лицо путниковъ дохнула суровая сибирская зима!

„Страна варварская, иноземцы немирные. Отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадыми не поспѣемъ, голодные, томные люди. Протопопица бѣдная бредеть-бредеть да и повалится,—скользко гораздо!... На меня, бѣдная, пеняетъ: „Долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю:

— Марковна, до самыя смерти. Она же вздыхая отвѣщала:

— Добро, Петровичъ, ино еще побредемъ“.

Въ чемъ черпали эти люди силы для перенесенія всѣхъ этихъ лишеній? Они черпали ихъ въ сознаніи важности и необходимости своего подвига, въ вѣрѣ въ правоту того дѣла, за которое страдали. Морально побѣдителемъ былъ не воевода, а Аввакумъ, и угнетаемые воеводой люди льнули къ мужественному протопопу, впивали въ себя его слова, дѣлались ревностными послѣдователями его ученія. И у Аввакума не угасала надежда на то, что его дѣло не погибнетъ, что сердце народа устоитъ противъ Никоновыхъ соблазновъ. Неожиданная вѣсть изъ столицы еще болѣе окрылила эту надежду. Вскорѣ по водвореніи отряда на конечномъ пунктѣ путешествія пришелъ указъ съ повелѣніемъ вернуть Аввакума въ Москву. Что означалъ этотъ указъ? Для Аввакума не было сомнѣнія въ томъ, что это было знакомъ полной побѣды его партіи: если его

зовуть обратно въ столицу, это значить, что „возсіяла чистая вѣра, низложенъ антихристъ, спасена отъ діавола Россія.“ И Аввакумъ съ торопливой поспѣшностью собрался въ обратный путь. Онъ спѣшилъ на Москву, какъ торжествующій побѣдитель.

Но первыя же впечатлѣнія, при вступленіи въ Европейскую Россію, тяжело упали на его душу. Онъ увидѣлъ, „яко ничтоже успѣваетъ.“ Новшества Никона не отмѣнены. Старыя книги и старыя чинъ церковный попрежнему подъ опалой. Тогда зачѣмъ же его вернули въ Москву? Неужели на новыя страданія? Въ душѣ Аввакума началась борьба. Его мучила мысль объ участи жены и дѣтей; ему стало казаться, что онъ не въ правѣ навлекать на ихъ головы новыя бѣдствія своимъ мятежнымъ поведеніемъ. Въ эту тяжелую минуту душевной слабости, онъ нашелъ нравственную поддержку въ своей женѣ. Мы уже видѣли, какъ мужественно дѣлила эта замѣчательная женщина лишенія Аввакума во время скитаній по Сибири. Но во всемъ блескѣ выказалось ее душевное мужество теперь, когда на тревожный вопросъ протопопа: „Жена! что сотворю? Зима еретическая на дворѣ: говорить мнѣ или молчать? Связали вы меня!“ — она спокойно отвѣтила:

— Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь! Азъ ты и съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе попрежнему, а о насъ не тужи. Дондеже Богъ изволитъ, живемъ вмѣстѣ, а егда разлучатъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай ересь!

И Аввакумъ отбросилъ колебанія и съ новымъ приливомъ вдохновеннаго „дерзновенія“ поѣхалъ дальше, къ Москвѣ, громко призывая народъ во всѣхъ городахъ по пути ополчиться за старую вѣру противъ Никоновыхъ новшествъ.

Истинною причиною возвращенія Аввакума явилась ссора царя Алексѣя съ патріархомъ Никономъ, окончившаяся уходомъ Никона съ патріаршаго престола. Но эта

ссора разыгралась совершенно независимо отъ вопроса о церковныхъ исправленіяхъ. Уходъ Никона далъ возможность смягчить участь Аввакума, но правительство нисколько не отказывалось при этомъ отъ проведенныхъ Никономъ церковныхъ преобразованій. И передъ Аввакумомъ опять открылось широкое попріще общественной борьбы во имя его старозавѣтныхъ идеаловъ.

Старый Нероновскій кружокъ уже распался. Самъ Нероновъ принесъ повинную, устранившись отъ того, что мѣры Никона были одобрены вселенскими патріархами. Но идейное броженіе на Москвѣ шло большое, переплетаясь съ борьбою дворцовыхъ и боярскихъ партій. Приѣздъ Аввакума составилъ крупное событіе въ общественной жизни тогдашней Москвы. Сибирскія скитанія осѣнили Аввакума ореоломъ мученичества въ глазахъ всѣхъ, кто тяготѣлъ къ церковной старинѣ. Съ другой стороны приѣзду Аввакума очень обрадовались враждовавшіе съ Никономъ бояре въ надеждѣ на то, что бритвенный языкъ протопопа поможетъ имъ доканать гордаго патріарха. И Аввакумъ, поселившись въ Москвѣ, начинаетъ играть видную роль въ московскомъ обществѣ. Онъ часто появляется на знакомыхъ уже намъ собраніяхъ у Ртищева, вступая тамъ въ жаркіе споры съ „никоніанами“. Онъ приобретаетъ себѣ новыхъ ревностныхъ послѣдователей и почитателей среди энтузіастовъ и энтузіастокъ разраставшагося раскольничьяго движенія. Къ этому времени онъ приобретаетъ, напр., сильное вліяніе на извѣстную мученицу раскола, боярню Морозову, молодую, богатую вдову, отказавшуюся отъ радостей жизни ради подвиговъ благотворенія и отдавшую блескъ своего знатнаго имени и все свое богатство на служеніе дѣлу раскола.

Осмотрѣвшись на Москвѣ, Аввакумъ опять поднялъ знамя борьбы. Прирожденный вождь, онъ привыкъ идти впереди, передъ своей паствой. Онъ не мирился на половинѣ, онъ не понималъ смысла своего освобожденія безъ окончательнаго торжества своего

дѣла. И онъ рѣшилъ потребовать у царя возстановленія нарушенной церковной старины. Въ нѣсколькихъ челобитьяхъ, поданныхъ царю, онъ убѣждалъ царя отмѣнить Никоновы затѣйки, возстановить двоеперстіе и другіе прежніе обряды, присоединяя къ этому энергичное заступничество за тѣхъ ревнителей старины, которые еще томились, отбывая наказанія.

Результатъ этихъ челобитій не заставилъ себя ждать. Аввакуму было сказано черезъ боярина Салтыкова:

— Власти на тебя жалуются: церкви-де ты запустошилъ. Поѣдь въ ссылку опять.

Такъ окончилось кратковременное пребываніе въ Москвѣ на свободѣ. Вопросъ о церковныхъ исправленіяхъ рѣшено было отдать на разсмотрѣніе вселенскимъ патріархамъ, которые ѣхали въ Москву судить Никона, и впредь до прибытія ихъ въ Москву Аввакума заточили въ далекую Мезень. Напрасно духовныя власти увѣщевали Аввакума отступиться отъ своихъ еретическихъ заблужденій. Онъ твердо стоялъ за „старую вѣру“, и 17-го іюля 1667 г. предсталъ на соборѣ, чтобы дать отвѣтъ патріархамъ. Объясненіе было короткое, но въ высшей степени знаменательное. Патріархи указали Аввакуму на то, что всѣ христіанскія страны: — и Палестина, и сербы, и римляне, и ляхи — крестятся тремя, а не двумя перстами. И на это услышали въ отвѣтъ отъ Аввакума характерную отповѣдь, въ которой выразилась основная, принципиальная подкладка раскольничьяго движенія. Въ немногихъ словахъ Аввакумъ со свойственнымъ ему талантомъ очертилъ самую сущность вопроса.

— Вселенскіе учителя! — сказалъ онъ, — Римъ давно упалъ... Ляхи съ ними же погибли... А у васъ православіе пестро стало отъ насилія турецкаго Махмета... И впредь пріѣзжайте къ намъ учиться... До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей

и царей все было православіе чисто и непорочно не мятежна.

Иначе говоря: вы намъ не указъ, — не у васъ а у насъ на Руси источникъ религіозной истины, русская старина и есть настоящая вселенская правда. Высказавъ эту мысль, Аввакумъ считалъ совершенно излишними всякія дальнѣйшія пренія, и дѣйствительно, въ чемъ могли его убѣдить вселенскіе патріархи, послѣ того, какъ онъ поставилъ національное преданіе выше правилъ вселенскихъ? И видя, что патріархи продолжаютъ убѣждать его долгими рѣчами, Аввакумъ преспокойно замѣтилъ:

— Ну, вы посидите, а я полежу, — отошелъ къ двери да и легъ на полъ.

Соборъ патріарховъ предалъ Аввакума проклятію, а царь постановилъ сослать его въ Пустозерскъ.

Изъ этой ссылки Аввакуму уже не суждено было возвратиться. Тамъ его заключили въ срубъ, вкопанный въ землѣ, въ которомъ онъ пробылъ безвыходно 15 лѣтъ. Но и изъ глубины своей земляной тюрьмы Аввакумъ не пересталъ духовно руководить раскольничьимъ движеніемъ. Онъ наполнялъ свое одиночество молитвой и писательствомъ. Въ своихъ молитвенныхъ подвигахъ онъ доходилъ до истиннаго экстаза. Онъ творилъ молитвы до полного изнеможенія, до галлюцинацій. При этомъ онъ еще истязалъ себя холодомъ, совершенно отказавшись отъ всякой одежды, и голодомъ, не принимая пищи по нѣскольку дней подъ рядъ. Слухи объ этихъ изумительныхъ подвигахъ пустозерскаго страдальца черезъ странниковъ, приставленныхъ къ его тюрьмѣ, шли въ народъ и высоко поднимали въ народномъ сознаніи духовный авторитетъ Аввакума.

А въ промежуткахъ между аскетическими подвигами Аввакумъ набрасывалъ на разныхъ клочкахъ свои посланія, то сердито-обличительныя, то наставительныя, но всегда одинаково своеобразныя по языку, дышавія

обобщія по нервамъ. И эти листки, прони-
 жаясь черезъ стражниковъ за стѣнныя тюрьмы, подхва-
 тывались жадными руками и въ тысячахъ списковъ
 расходились по всей русской землѣ.

Такъ прошло 15 лѣтъ. Къ 1681 г. Аввакумъ вдругъ
 надумалъ обратиться къ царю — на царскомъ престолѣ
 сидѣлъ уже сынъ Алексѣя Михайловича, Феодоръ, —
 съ длиннымъ посланіемъ, опять съ призывомъ вер-
 нуться къ церковной старинѣ и порвать всякія связи
 съ иноземцами. Посланіе было получено на Москвѣ
 какъ разъ въ самый разгаръ польскаго вліянія при
 дворѣ. Это посланіе и рѣшило судьбу Аввакума. Рѣ-
 шено было подвергнуть его огненной казни. 14-го апрѣля
 1682 г. страдалецъ успокоился: его сожгли на кострѣ
 на площади Пустозерска.

Разсказанный эпизодъ изъ исторіи общественнаго
 движенія въ Московской Руси XVII ст. можетъ послужить
 живымъ отвѣтомъ на поспѣшныя заключенія о томъ, что
 однотонности историческаго прошлаго нашей страны.
 Костеръ Аввакума — этого, по выраженію Соловьева,
 богатыря-протопопа, — освѣщаетъ зловѣщимъ, но яркимъ
 свѣтомъ глубоко драматическое движеніе, наполнявшее
 жизнь московскаго общества въ ея предреформенный
 періодъ. Зрѣлище этого движенія навѣваетъ на насъ
 теперь двоякаго рода чувства.

Жалостью сжимается сердце, когда подумаешь,
 сколько богатыхъ, поистинѣ богатырскихъ душевныхъ
 силъ цѣликомъ было растрачено на борьбу за пустыя
 формы и обряды, въ которыхъ видѣли какой-то таин-
 ственный оплотъ національной самостоятельности. Но
 это сожалѣніе соединяется съ почтительнымъ удивле-
 ніемъ передъ мужественною стойкостью и страстнымъ
 одушевленіемъ людей, которые умѣли превращать жизнь
 въ сплошной идейный подвигъ и смѣло идти на смерть
 за свои убѣжденія.

71709

71709